

"Чему я обязан этой чести?" - поинтересовался Жак Бентон-Рамирес-и-Чоу, выдвигая кресло для своей сестры. Она устроилась в нем, и он прошел вокруг стола к своему, сел и вежливо приподнял брови. Она ему улыбнулась.

Они были очень похожи, что неудивительно, учитывая, что они были разнояйцевыми близнецами. Конечно, он был на пять стандартных лет - почти на шесть лет - старше ее, но для Беовульфа это было не так редко, как в некоторых других мирах, где уровень рождаемости регулировался менее жестко. Еще он был немного выше ее, но все, кто видел их вместе, сразу принимали их за близнецов.

"Почему ты всегда думаешь, что у меня есть скрытый мотив, когда я прошу тебя пообедать со мной?" - поинтересовалась Аллисон.

"В основном из-за многолетнего опыта," - ответил он сухо, и она улыбнулась.

"Я никогда не могла ничего скрыть от тебя, Жак, не так ли?"

"Не то, чтобы ты не пыталась."

"Девушки должны на ком-то практиковаться," - указала она.

"Счастливы быть вам полезны," - сказал он с изысканной вежливостью. "Но ты все еще не сказала мне, о чем речь." Он обвел рукой дорогой ресторан. "Имей в виду, мне всегда нравилась еда в Мадоке, но уведомление было довольно поздним даже для тебя."

"У меня очень плотный график в этом семестре." Она пожала плечами. "В нем очень маленькие свободные окна."

"А то, что мои начальники хотят, чтобы я приспособливал свой график к их желаниям, твои планы учитывают?"

"О, будь серьезен, Жак!" Она покачала головой. "Сколько я себя помню, ты всегда менял свое расписание, чтобы оно соответствовало твоим целям. Не говори мне, что твое "начальство" думает это изменить!"

Он задумчиво рассматривал ее. Она была права, хотя и не настолько, как она могла подумать. Многие из тех изменений, о которых она говорила, было скорее показными, чем реальными. Его начальству - и ему - было бы очень приятно, если бы они смогли убедить кого-то с работающими мозгами в том, что он был просто ребенком одной из элитных семей Беовульфа, забавляющимся военной карьерой и не воспринимающим ее слишком серьезно. Он сомневался, что они смогут одурачить достаточно людей, действительно имеющих значение, но всегда стоило попробовать, и даже знающие люди не могли позволить себе игнорировать официальную реальность. Если бы вся остальная часть галактики считала его дилетантом, им тоже пришлось бы действовать так, как если бы они так думали... или объяснять, почему они этого не делали. Подтверждение такого восприятия было причиной того, что он, вероятно, уйдет из армии - по крайней мере официально - через несколько лет, и эта мысль не очень его радовала. Он видел и делал некоторые уродливые вещи в КБР, но он также участвовал в некоторых чертовски хороших вещах. Ему будет не хватать встреч с командами, решения проблем, с которыми они столкнулись в поле.

"Ну, хотя я определенно не готов согласиться с тем, что в твоей клевете на меня есть хоть какая-то правда," - сказал он, "я здесь, и ты сказала, что должна о чем-то поговорить. Итак... ?"

Он снова приподнял брови, и она начала отвечать, затем остановилась, когда официант материализовался рядом с ними, как клуб дыма. Мадока входил в десять или двадцать лучших ресторанов Гренделя (в зависимости от того, кто составлял рейтинг), и качество его обслуживающего персонала было одной из причин этого. Близнецы отдали свои заказы внимательному официанту и его фотографической памяти, затем подождали, пока он налил напитки и исчез.

"Ты начала говорить?" - пригласил ее Жак.

"В основном это любопытство," - сказала она. "Конечно, я могла бы спросить тебя об этом по комму, но я не видела тебя почти месяц, так что это казалось возможностью убить двух птиц одним камнем."

Он кивнул, улыбаясь ей, понимая, что то, что она только что сказала, было не чем иным, как правдой. Они были связаны на более глубоком уровне, чем это было обычно даже среди близнецов, кроме того, она была не просто его близнецом, но и младшей сестрой. Всегда был какой-то зуд, который ни один из них не мог почесать в разлуке. С годами они привыкли к этому и это их больше не беспокоило, но они всегда чувствовали облегчение, когда зуд исчезал, когда они вот так садились друг напротив друга за стол.

"Что за любопытство?" - поинтересовался он.

"Вообще-то это об одном из моих однокурсников." Она пожала плечами. "Он занимается нейрохирургией, а не генетикой, поэтому на самом деле мы еще не встречались. Но я столкнулась с человеком, который не слишком хорошо о нем думает, и мне интересно, есть ли для этого какие-то основания, кроме его собственного раздутого эго."

"И ты не могла просто выяснить все сама?" - вежливо спросил он. "Я не подозревал, что ты стала такой старой и слабой с тех пор, как я видел тебя в последний раз."

"Конечно, я могла бы пойти и выяснить все сама." Она скорчила ему через стол гримасу, но он, кажется, уловил некоторую уклончивость в ее выражении. "Однако я, кажется, припоминаю, что один из моих чрезмерно опекающих меня старших братьев предупреждал меня несколько лет назад о моем социальном безрассудстве. Но я не могу вспомнить, который из них."

Жак рассмеялся, но она была права. Возможно, он чрезмерно опекал ее. Но Аллисон всегда больше всего раздражало то, что она Бентон-Рамирес-и-Чоу. Она понимала - и часто возмущалась - известностью своей семьи, тем, что от ее членов "ожидалось" идти на государственную службу или в политику, а также - или даже в дополнение - в медицину. Но у нее было почти кошачье свойство отказываться делать то, что кто-то от нее хотел, и у нее была соответствующая импульсивность. В ней не было ничего небрежного, ленивого или глупого, но она была сгустком энергии, способным весело выполнять несколько задач в разных направлениях, чтобы вовлечь близких в свое безумие, и идея принятия мер предосторожности просто потому, что ее семья не была любима всеми, была чужда ей. И, признавал он, не без уважительной причины. Бентон-Рамирес-и-Чоу были широко почитаемы на Беовульфе. Вероятно, это было то, что Аллисон больше всего не любила в том, чтобы быть Бентон-Рамирес-и-Чоу, подумал он, потому что все, что нужно было сделать одному из Бентон-Рамирес-и-Чоу, чтобы его уважали на Беовульфе - это дышать. Аллисон находила это подавляющим, раздражающим и незаслуженным, и он часто думал, как она собирается с этим справиться после университета. Но по большей части она была абсолютно права; подавляющее большинство тех, кого она встречала на Беовульфе, собирались изо всех сил уступать ей. Если не считать неизбежного небольшого числа невменяемых индивидуумов, которые можно найти

в любом обществе, они определенно не собирались угрожать ей каким-либо образом!

Но не все в галактике были с Беовульфа, и в данный момент у нее были более веские причины, чем обычно, чтобы проявить немного той осторожности, которую она так ненавидела. Он был вынужден признать, что большинство этих причин было связано с ним тоже, что придавало его беспокойству оттенок вины.

"Так кто объект твоего любопытства, Алли?" - спросил он.

"Он со Сфинкса," - сказала она. "Большой, высокий парень, флотский офицер. Лейтенант, наверное, хотя я не уверена. Во всяком случае, у него одна золотая штучка на воротнике." Она дернула головой. "Я всегда путаюсь, пытаюсь понять флотские звания, даже у беовульфцев. Почему они не пользуются теми, которые используют все?"

"Манти или Силы Системной Обороны?" - спросил он с изумленной улыбкой.

"И те и другие!"

"В основном потому, что флотские болваны старше всех нас и не собираются позволять нам забыть об этом," - сказал он, пытаясь тянуть время. На самом деле он не ожидал, что она спросит его о Харрингтоне, и совсем не был уверен, что хочет поощрять интерес к нему, который она могла бы испытывать. Конечно, он не имел ничего против Харрингтона. На самом деле, как раз наоборот. Но он не был незаметным... или самым безопасным человеком, с которым чья-то сестра - особенно его сестра - может проводить время

"Ну, его зовут Харрингтон," - сказала она. "Ты был так недоволен из-за того, с кем я провожу время, и к тому же он из другого мира, я подумала, что попрошу тебя... я не знаю, выяснить, кто он такой для меня."

"А много ли внимания ты обращаешь на мои "выяснения"?" - возразил он и усмехнулся. "Я говорил тебе, что этот придурок Илиеску будет раздражать тебя, не так ли?"

"Он не так плох, как ты говорил мне," - ответила она. Он только усмехнулся ей еще раз, и она пожала плечами. "Окей, он достаточно плох," - признала она. "Просто не так плох, как ты мне говорил."

"О, я понимаю. Спасибо, что объяснила мне это."

"Всегда пожалуйста. А теперь, ты собираешься выяснить для меня о лейтенанте Харрингтоне, или я просто пойду к нему и познакомлюсь сама. Это именно то, что я хочу, ты понимаешь."

"Я уверен в этом." Он посмотрел на нее еще мгновение, а затем настала его очередь пожать плечами. "На самом деле я уже довольно много знаю о нем."

"Знаешь?"

Во время разговора она разворачивала свою салфетку, стелила ее на колени, и он думал, что она уделяла этому больше внимания, чем надо.

"Да, знаю. Фактически это было причиной того, что я встретил его, когда он прибыл, и провел его через таможню к университету."

Она подняла глаза, они внезапно стали пристальными, и он вздохнул. Он знал это выражение.

Он скорее надеялся, что она решит, что он намекает ей держаться подальше от Харрингтона, но было ясно, что этого не произойдет. И правда была в том, что все, что он знал о сфинксианине, было в его пользу, хотя он подозревал, что Харрингтон думал об этом по-другому.

"Почему?" - просто спросила она.

"Потому, что лейтенант Харрингтон - очень... интересный человек," - ответил он. "Я имею в виду интересный для людей вроде меня."

Она слегка поджала губы. В отличие от многих других членов семьи, она имела очень четкое представление о том, в чем иногда состоит деятельность Жака в Корпусе Биологической Разведки. Конечно, даже она знала лишь часть этого, и он намеревался сохранить это так. Но она знала достаточно, чтобы понимать, что быть интересным "таким людям, как он" может быть очень опасно.

"Я не знаю о нем ничего плохого, Алли," - быстро сказал он. "Фактически, из того, что я знаю, он кажется очень хорошим человеком. Но он оказался в центре... сложных событий."

"Что за сложные события?"

"Я не могу рассказать тебе." Он поморщился. "Не хочу, Алли - не могу. Это все очень секретно и даже мы в КБР не знаем всего."

"Что ты можешь рассказать?" - спросила она, и его глаза сузились.

Он хорошо знал свою сестру, лучше, чем любого другого человека, и он услышал сталь за ее вопросом. Чего он не знал, так это почему он это слышал. Очевидно, ее любопытство к Альфреду Харрингтону было не так случайным, как она пыталась изобразить, но все же в этом был элемент неуверенности, который он не привык слышать или видеть в ней. Какая-то его часть - очень сильная его часть - внезапно захотела немедленно прекратить этот разговор. Здесь были дела, в которые он не хотел вникать, и правда заключалась в том, что Харрингтон нажил себе врагов. Эти враги, вероятно, были недостаточно глупы, чтобы из всех планет галактики попытаться что-то сделать со своим врагом именно здесь, на Беовульфе, но гарантии этого не было. А если его собственные действия были примешаны к их расчетам...

Но она была его сестрой.

"Он записался в морскую пехоту Мантикоры, когда ему было восемнадцать," - сказал он, его голос внезапно стал резче, чем она привыкла слышать у него. "Служба шла хорошо. Когда ему исполнилось двадцать три, он стал взводным сержантом, и рассматривалась возможность предложить ему стать офицером. Потом произошел... инцидент. Это не имело прямого отношения к морпехам. Он оказался в очень плохой ситуации не по своей вине. Он что-то сделал с этим. Многие люди погибли, он сам был тяжело ранен, и когда манти узнали об этом, они вручили ему крест Остерман." Он встретился с ней взглядом через стол. "Это их вторая по уровню награда за доблесть, Алли, и ее можно заслужить только в бою."

Они глядели друг на друга еще мгновение, затем он пожал плечами.

"Кроме того, крестом Остерман может быть награжден только рядовой или сержант, и это почти всегда сопровождается предложением стать офицером. Это предложение часто отклоняется, и манти достаточно умны, чтобы принять это без всяких предубеждений. Они знают, насколько важна работа сержанта, и они просто счастливы держаться за них, вместо

того, чтобы настаивать на том, чтобы "принять или уйти", как это делает ФСЛ, но предложение делается всегда. Так они поступили и в отношении лейтенанта Харрингтона, но у него была довольно необычная просьба. Он попросил о переводе во флот, а также обучаться медицине." Жак снова пожал плечами. "Это не так странно, как может показаться, поскольку флот обеспечивает всю медицинскую поддержку морской пехоты в Звездном Королевстве, но это было необычно, особенно для человека, который, очевидно, так хорошо проявил себя в боевых действиях. Однако в сложившихся обстоятельствах и с учетом того, что он сделал, просьба была удовлетворена, и вот он здесь."

"За что он получил медаль?" - тихо спросила она.

"Этого я не могу тебе сказать. Это засекречено, Алли. Манти засекретили это, давая ему награду."

Она спокойно смотрела на него, обдумывая то, что он сказал... и что не сказал. Он знал много секретного, иногда того, что не должен был знать, но она знала его чувство целостности. Он, вероятно, уже опасно приблизился к границам дозволенного - дозволенного самим собой - чтобы поделиться с ней. И когда она думала об этом, она вспомнила ту тьму, которую чувствовала в лейтенанте Харрингтоне, и вздрогнула.

"Ну," - сказала она решительно нормальным тоном, "я вижу, что Франц ошибался - опять - в том, заслуживает ли лейтенант Харрингтон приема в УИЗ."

"Я бы сказал, что если кто-то заслуживает место в университете, так это Харрингтон," - согласился Жак, а затем поднял глаза, когда прибыли их закуски.

Официант расставил перед ними салаты и консоме и ушел, и Аллисон взяла вилку и снова посмотрела на брата.

"Спасибо," - сказала она. "Ты дал мне много пищи для размышления, Жак."

<http://tl.rulate.ru/book/53453/1353293>